

Шэнь Ле нарочито изображал беззащитность, и Гу Янь это прекрасно понял, но не мог сейчас на это реагировать.

Пальцы Сюй Сяочжэня, которые незаметно сжались, и тревожное колебание в его взгляде выдали: он уловил нестыковку. Гу Янь, по всем правилам, не должен был знать об инциденте с молоком — ведь сейчас он формально страдает от амнезии и не должен помнить ничего, что происходило в Восемнадцатом секторе.

По спине у Гу Яня пробежал холодок. Но многолетний опыт, служба, давление и интриги закалили его, и он не дал ни малейшего повода усомниться в себе. Объясняться сейчас — только усугубить.

Лицо его было как всегда спокойным, взгляд в сторону Шэнь Ле даже казался великодушным, но в нём всё равно читалось презрение и усталость, с трудом прикрытые вежливостью.

— Откуда ты знаешь, что у меня аллергия на молоко? — тихо спросил Сюй Сяочжэнь, опустив ресницы. Их тень легла на светлую щёку, будто этот вопрос вырвался случайно.

— В медкарте после поступления. Ты сам не читал? — удивлённо взглянул на него Гу Янь. — Я ведь был твоим преподавателем по стрельбе. Когда ты пришёл ко мне, я ознакомился с твоим личным делом.

Сюй Сяочжэнь поднял на него глаза:

— Ты из тех, кто запоминает такие мелочи? — Голос его был мягким, почти ласковым. Даже если он и читал его карту, разве такие детали остаются в памяти? Хотя... память у Гу Яня всегда была феноменальной. В Восемнадцатом он видел это сам: читал по диагонали, но не забывал ни слова.

На лице Гу Яня мелькнуло раздражение:

— А зачем мне врать тебе?

Он говорил так же, как всегда, ни одна черта не выдавала лжи. Сюй Сяочжэнь, как ни вглядывался, не мог найти ни одной улики. Подозрение зрело, но доказательств не было. Он не мог позволить себе строить догадки, исходя из дурных мыслей.

А рядом Шэнь Ле снова расплакался. Пришлось перевести внимание на него. Сюй мягко коснулся его заплаканного глаза:

— Ты же хотел как лучше. Я сам уже и забыл, что у меня аллергия.

Гу Янь увидел, как Сюй переключил внимание на Шэнь Ле, и понял: опасность временно миновала. Но семя сомнения уже было посеяно. И чем дольше он будет медлить, тем выше риск. Вопрос с операцией на железе и меткой нужно решать немедленно.

Он посмотрел на тонкие пальцы Сюя, касающиеся лица Шэнь Ле, и медленно достал из кармана платок. Спокойно подал его Шэнь Ле, одновременно мягко отодвинув руку Сюя:

— Протри лицо. И впредь будь внимательнее. Такого больше не повторяй.

Когда он убирал руку, случайно коснулся пальцев Сюй Сяочжэня.

После того как он заново поставит на нём метку, Шэнь Ле можно будет смять в любой позе и в любое время. Гу Янь уже трижды получил по заслугам за свою вспыльчивость и теперь не собирался больше допускать ошибок. За всю жизнь он ещё ни разу так не проигрывал.

Сюй Сяочжэнь не успел отстраниться. Касание Гу Яня обожгло его, пробудило болезненные воспоминания о тех семи днях.

Шэнь Ле сжал в руках платок Гу Яня, как нечто грязное. Он тоже понимал: прежний, вспыльчивый Гу Янь исчез. Сейчас перед ним стоял человек, научившийся ждать и бить точно.

Гу Янь резко протянул букет ландышей:

— Сяочжэнь, пойдём со мной поужинать дома.

Он продолжил, глядя прямо в глаза:

— За эти дни без тебя, я многое понял.

Шэнь Ле, чувствуя, что ситуация ускользает из рук, громко закашлялся, надеясь привлечь внимание Сюй Сяочжэня.

Но Гу Янь опередил его. Он взглянул на Шэнь Ле, поднял бровь, и с полуулыбкой произнёс:

— А ты тоже приходи, А-Ле. Мы ведь теперь почти семья.

Ошарашенными были оба: и Шэнь, и Сюй.

За несколько дней он будто бы стал другим. Никакой враждебности, напротив, фамильярное "А-Ле", мягкий тон... Словно тот, прежний, властный и жестокий Гу Янь, остался в прошлом.

Но Сюй не позволял себе расслабляться. Он помнил, как и в прошлый раз Гу Янь сначала казался добрым и заботливым, а потом снова становился холодным и безжалостным.

Обжёгшись на молоке, дуют и на воду. Сейчас он не чувствовал радости, лишь безмолвно смотрел на Гу Яня, думая: на сколько хватит его хорошего поведения? На день? На два?

Он выдохнул:

— Я не...

Он не успел закончить, как Гу Янь перебил:

— Я уезжаю. Вернусь не раньше, чем через месяц.

Сюй, не раздумывая, спросил:

— Куда?

Гу Янь мягко провёл большим пальцем по тыльной стороне его ладони, взгляд стал нежным:

— Военные учения. Я командую отрядом. Вернусь не раньше, чем через месяц.

Каждую весну, в марте-апреле, в Первом секторе проходили месячные военные манёвры. Место выбиралось из четырёх главных военных баз.

Империя всегда жила по принципу силы, с постоянными конфликтами на границах. Военные учения были одновременно и тренировкой, и демонстрацией мощи. Боевые патроны, предельная жёсткость. Каждый год около трёх процентов солдат не возвращались живыми с этих баз.

Сюй Сяочжэнь затаил дыхание, а потом, неосознанно, крепко сжал его руку. В глазах мелькнули тревога и беспокойство:

— Будь осторожен.

Гу Янь приподнял уголки губ: он знал, что Сюй всё ещё переживает за него.

Он не умел справляться с такими, как Шэнь Ле, но стратегию военных кампаний знал на зубок.

Отступить, чтобы выиграть. Обороной нанести удар. Заманить, чтобы поймать.

Глядя на бледнеющее от злости лицо Шэнь Ле и беспокойство в глазах Сюя, он понял: разум работает эффективнее эмоций. Хотя и не так приятно.

Он — наследник дома Гу, старший сын маршала, лучший альфа Империи. Никогда раньше ему не приходилось сдерживать себя. Но ради Сюя он готов.

Когда любимый уезжает в опасную зону, где легко получить ранение или погибнуть — как можно не волноваться? Даже случайный знакомый вызвал бы сочувствие. А Сюй не мог обмануть себя: чувства к Гу Яню у него всё ещё остались.

Гу Янь заметил, как тот дрогнул. Сюй уже почти сдался.

И тут с глухим звуком Шэнь Ле рухнул на землю. Лицо побледнело, дыхание сбилось. Он едва слышно прошептал:

— Братик...

Сюй поспешил к нему, подхватил под руки. Шэнь Ле тут же вцепился в его запястье.

Подоспевшие медики провели первичную диагностику. Опасности не обнаружили, но забрали Шэнь Ле в медпункт. Всё это время он не отпускал руку Сюя, пальцы побелели от напряжения, на лице — мучительная гримаса.

Сюй Сяочжэнь, не на шутку встревоженный, проводил его в медпункт.

На площадке остался только тот, кто и был центром всей сцены — Гу Янь, теперь оставленный в одиночестве.

Врачи после осмотра сообщили: серьёзного ничего нет, скорее всего обморок от нехватки кислорода. Такое бывает после сильной кровопотери, но в случае Шэнь Ле, вероятнее всего, всему виной переизбыток эмоций. Нужно наблюдать в течение суток.

Сюй Сяочжэнь аккуратно погладил бледную щёку Шэня:

— Что с тобой случилось?

Тот полулежал на подушке, улыбался вяло, словно растрёпанный цветок под дождём:

— Братик, я просто слишком разволновался. Ты видел, да? Он признал меня. Он сам позвал меня домой. Скажи, у меня снова будет семья? Он ведь будет добрым ко мне, как раньше, когда ещё были живы мама и папа. Братик, я так скучаю по ним...

Шэнь Ле почти никогда не говорил о своих биологических родителях. Его внезапные слова пронзили Сюя. Волна вины, как шторм, накрыла его с головой.

В памяти всплыли картины: мужской крик, женский плач, детский визг — и кровь, много крови, по всему полу.

Боль, горечь, жалость — всё сплелось в тугой ком. Он не мог смотреть в глаза Шэнь Ле, полные надежды. Он сжал пальцами подол рубашки, опустил голову:

— Прости. Это моя вина.

Если бы не он, родители Шэнь Ле были бы живы. Этот долг он не сможет отдать никогда.

Увидев на лице брата болезненное выражение, Шэнь Ле едва заметно улыбнулся. Он наклонился и обнял его — в этих объятиях пахло зелёным чаем.

— Прости. Не стоило вспоминать. Я знаю, это ранит. Просто... я скучаю по тем дням, когда нас было четверо.

Он почувствовал, как Сюй вздрогнул. Тихо вздохнул.

С родителями у него не было особой привязанности — ушли и ушли. А вот брат... Брат, ты ведь до сих пор жалеешь о том дне? До сих пор видишь их во сне.

И этого достаточно. Достаточно, чтобы ты платил мне за это всю жизнь. Это — то, чего Гу Янь никогда не поймёт. Он не сможет сравниться со мной.

Шэнь Ле не спешил отпускать Сюя. Держал его, пока тот, наконец, не выровнял дыхание. Лишь тогда великодушно кивнул: мол, иди — не заставляй Гу Яня ждать.

Только тогда Сюй Сяочжэнь вспомнил, кого оставил в одиночестве.

Гу Янь — тот, к кому всегда были обращены взгляды, чьё молчание теперь казалось неестественным. Он словно вдруг исчез из воздуха, стал тише воды, ниже травы — и от этого внутри защемило ещё сильнее.

Врачи сказали, что Шэнь Ле будет жить. Но воспоминания, похороненные годами, прорвались

обратно, и вина, которую он столько времени гнал прочь, вновь опустилась на плечи — тяжёлая, неотвратимая.

Если он просто уйдёт сейчас — это будет предательство. Даже хуже.

Он сел прямо на пол в коридоре и набрал Гу Яня по видеосвязи.

Гу Янь ответил. Камера ловила только лицо — холодное, напряжённое, с чётко очерченными чертами.

Сюй Сяочжэнь неловко замялся, не зная, с чего начать, как объяснить, почему не рядом. Но Гу Янь не дал ему говорить:

— Сяочжэнь. Выйди.

Он сразу всё понял.

Сорвался с места, выбежал на улицу — и точно: у входа в медкорпус стоял Гу Янь. В одной руке — пакет, другая небрежно сунута в карман чёрного пальто. Он чуть приподнял свёрток:

— Ты, наверное, не ужинал?

Сяочжэнь собирался просто перехватить питательную смесь — даже не подумал бы, что Гу Янь вообще принесёт еду. Это было на него не похоже.

И всё же в этом простом жесте — тёплом, почти домашнем — было что-то непривычное. Никто прежде не заботился о нём так буднично и прямо.

Неподалёку стояли уличные столы. Гу Янь выбрал один, разложил еду, сел напротив:

— Сяочжэнь... когда я вернусь — ты сможешь вернуться домой? Мы сможем начать заново?

Он не ответил. Рука с палочками дрогнула. Пальцы невольно сжались.

И вдруг — короткий, хлёсткий свист сверху. Он не сразу понял, что это, только когда что-то пронеслось в сантиметрах от головы.

В следующее мгновение сильные руки обхватили его, прижали к тёплому телу. Где-то у уха — ровный, глубокий стук сердца.

— ПАХ!

Фарфор с треском разбился о плитку. И тут он почувствовал — на кожу упало что-то горячее. Из тела Гу Яня.

<http://bllate.org/book/14462/1279169>